

Научно-аналитический журнал

Православие в Балтии

№ **3** (12)

ISSN 2255-9035

Rīga 2015

УДК 281.9 (4)(051)

П 685

Православие в Балтии, №3 (12)

Научно-аналитический журнал

Rīga, LU aģentūra „LU Filozofijas un socioloģijas institūts”, 2015, 248 lpp.

Главный редактор:

Гаврилин Александр Валентинович

Редакционный совет:

Назарова Евгения, канд. ист. наук (Россия)

Шор Татьяна, Dg. phil. (Эстония)

Пермяков Виталий, Dg. theol. (США)

Мионович Антоний, Dg. hab. hist. (Польша)

Епископ Каракасский и Южно-Американский Иоанн (Берзиньш) (Аргентина)

Рунце Инесе, Dg. hist. (Латвия)

Пазухина Надежда, Dg. art (Латвия)

Крумения-Конькова Солейга, Dg. phil. (Латвия)

Корректор: Кузнецова Т.Г.

Компьютерная верстка: Даугулс Анита

Publicēts saskaņā ar Latvijas Universitātes FSI Zinātniskas padomes 2015. gada 20. aprīļa sēdes lēmumu.

Редакция не отвечает за точки зрения авторов статей, за опубликованные авторами материалы.

Право на публикацию представленных авторами материалов принадлежит редакции.

Представленные в редакцию материалы авторам не возвращаются.

Переиздание материалов журнала возможно лишь с разрешения редакции.

На обложке:

Таллинский Александро-Невский кафедральный собор. Строительство 1895–1900 г.г.

Архитектор М. Т. Преображенский. Фотография Андрея Мянник 2012 г.

ISSN 2255-9035

© Latvijas Universitātes aģentūra

„LU Filozofijas un socioloģijas institūts”

© Aleksandrs Gavriļins

Регина Лаукайтите (Литва)

Литовская православная епархия под властью митрополита Сергия (Воскресенского)

Спустя сто лет со времени учреждения, в середине XX века Литовская православная епархия оставалась одной из самых маленьких в составе Московской Патриархии. В 1940 г. в окормлении митрополита Литовского и Виленского (Вильнюсского) было всего 45 приходов, 88 священников и монахов, около 45 тысяч православных.¹ В отличие от Православных Церквей соседних стран, Литовская епархия была этнически однородно-русской и никогда не стремилась выйти из-под юрисдикции Московской Патриархии.

События Второй мировой войны вполне могли обойти стороной немногочисленную Литовскую православную епархию, если бы не судьба митрополита Сергия (Воскресенского). Будучи одним из четырех уцелевших на тот момент высокопоставленных архиереев Московской Патриархии, он прибыл в Вильнюс в начале января 1941 г. на похороны митрополита Елевферия (Богоявленского, управлял Литовской епархией в 1917–1940 гг.), и остался здесь в качестве его наследника. Вскоре был возведен в сан митрополита, а 24 февраля 1941 г. назначен экзархом Латвии и Эстонии (т. е. всей

Прибалтики). Такая новая должность в Патриархии была вызвана необходимостью после синхронной оккупации балтийских республик летом 1940 г. осуществить такую же синхронную реорганизацию Православных Церквей Латвии и Эстонии, которые уже как епархии были возвращены в лоно Московской Патриархии.

Однако пребывание в Прибалтике обернулось для экзарха Сергия трудными испытаниями в годы немецкой оккупации и скоростной гибелью 29 апреля 1944 г. Обстоятельства последней – одно из самых загадочных, до сих пор до конца не исследованных страниц истории. Занимавшиеся ее изучением исследователи и в советское, и в постсоветское время, в принципе, соглашались во мнении, что митрополит Сергий был убит немцами², хотя встречаются и другие точки зрения³. Цель данной статьи – представить собственные исследования и доводы коллеги Римантаса Зизаса, основанные на документах архивов Литвы⁴, и, прежде всего, проанализировать, какую роль в 1941–1944 гг. занимала в антисоветской пропаганде Литовская православная епархия.

Литовская епархия в годы немецкой оккупации

Конфессиональная политика немецких властей в оккупированной Литве была довольно умеренной, за исключением еврейской общины. Церкви стали восстанавливать прежнюю структуру и возвращаться к социальной деятельности, которую были вынуждены свернуть при советском режиме в 1940–1941 гг. Национал-социалистическая идеология отмежевывалась от христианства из-за его еврейских корней, а высшее руководство нацистов трудно находило общий язык по поводу церковной политики на занятых территориях СССР. Однако спонтанно ожившая на них религиозная жизнь не преследовалась. Немецким властям было известно, что в канун войны в СССР было значительно сокращено количество действующих церквей и епархий, а священнослужение в этом государстве стало одним из самых опасных родов занятия*. В итоге терпимостью и поддержкой Церквей в оккупированных регионах, пропагандистскими клише о миссии национал-социализма «освободить народы от безбожного большевизма» нацисты весьма успешно спланировали «церковный фронт» против СССР.

Под прицелом пропагандистской войны в 1941–1944 гг. оказались прежде всего православные жители. Официальная периодическая печать во всех оккупированных регионах на разных языках (даже в Литве на литовском⁵) печатала множество анти-советских заявлений православных архиереев Прибалтики, Белоруссии, Украины и России. Почти одновременно летом 1942 г. в Москве и в Берлине были изданы книги о положении религии в СССР⁶, авторы которых (священнослужители) совершенно противоположно представляли действительность. Разумеется, в оккупированной Литве положение Церкви в СССР было

известно не только по пропагандистским текстам.

Как в годы войны управлялась Литовская и Вильнюсская епархия, охватившая всю генеральную область Литвы? Вместе с Латвийской и Эстонской епархиями она вошла в митрополичью область, подчиненную Московской Патриархии, центр которой (канцелярия) находился в Риге. Экзарх-митрополит Сергей в Литве бывал довольно редко, много разъезжал по территории экзархата и по приходам Северо-Западной России, в которых действовала Псковская Миссия. В Литовской епархии его замещал епископ Даниил (Юзьвюк), которого в апреле 1942 г. в Риге митрополит возвел в сан Ковенского (Каунасского) викарного епископа. После гибели митрополита Сергея он перенял управление экзархатом⁷.

Во время войны правление Литовской епархии, по сути, не изменилось. По договору с Каунасским Генеральным комиссаром функционировал Епархиальный совет, назначенный митрополитом Сергием в составе четырех лиц⁸. Оккупационные власти не выделяли религиозным общинам никаких субсидий. Православный Епархиальный совет содержался за счет обязательных взносов, наложенных на благочиния (в Литовской епархии было всего 4 благочиния, а благочинные, в свою очередь, собирали взносы с приходов)⁹.

Основная деятельность Прибалтийского экзархата в 1941–1944 гг. была связана с возрождением церковной жизни на оккупированных северо-западных российских землях, т.е. с деятельностью Псковской Миссии*. По сравнению с Латвийской и Эстонской епархиями, вклад Литовской епархии в это дело был незначительным. На открытые вновь Миссией храмы не выезжал ни один священник епархии. Несмотря на многочисленные призывы епархиальной власти, литовские приходы не стремились

делиться с российскими храмами церковной утварью¹⁰. Это было обусловлено прежде всего тем, что церкви на территории Литвы не обладали избыточной утварью и в епархии не было свободных священников.

В январе 1943 г. в Вильнюсе были открыты Духовные курсы подготовки священников для Псковской Миссии (в Свято-Духовом монастыре, ими руководил бывший профессор Московской Духовной академии протоиерей Василий Виноградов, на них обучалось ок. 40 слушателей¹¹). Следует заметить, что никто из местных православных на курсы не поступил, несмотря на то, что подготовка новых священнослужителей была одной из самых актуальных проблем Литовской епархии*, а настоятели приходов уже с мая 1942 г. получили информацию о будущих курсах и запросы на списки возможных курсантов¹². Все курсанты приехали из Латвии, Эстонии и оккупированных северо-западных областей России.

Тем не менее возможность участия Литовской епархии в обеспечении Псковской Миссии благоприятно повлияло на ее положение в глазах высших чинов Остланда. Например, осенью 1941 г. Генеральный комиссар Литвы по просьбе митрополита Сергия распорядился освободить православных священников и других служителей Церкви от арендной платы, которую должны были платить священнослужители всех вероисповеданий за национализированную советскими властями церковную недвижимость, и приказал вернуть Церкви часть церковных зданий, переселив их жителей в другие помещения¹³. Не без согласия новых властей священники призывались епархиальной властью активизировать свою деятельность в приходах: возобновить преподавание во всех школах Закона Божиего, развернуть благотворительную и миссионерскую деятельность и пр.¹⁴, позднее – заниматься также окормлением российских беженцев.

Митрополит Сергей (Воскресенский).
Фотография из Национального музея Литвы

Духовная жизнь православных на территории Литвы не встречала преград. Отношение Генерального комиссара Адриана фон Рентельна к митрополиту Сергию иллюстрирует хотя бы такой пример: по просьбе Сергия комиссар продлил комендантский час во время православной Пасхи 1942 г. до окончания богослужений и проинформировал об этом комиссаров и полицию уездов¹⁵. Немцы не позволили католикам занять некоторые пустующие православные храмы (св. Троицкую в Вильнюсе, церкви в Скуодас, Алитус), в 1942 г. была освящена церковь в Колайняй, строительство которой приостановили советские власти¹⁶. По-прежнему соблюдался юлианский календарь.

Благоприятную политику оккупационных властей обусловил чисто практический расчет: митрополит и священники принимали участие в пропагандистских акциях нацистов, в организации и проведении различных сборов (теплых вещей, металлов и др.¹⁷). Митрополит Сергей положительно

оценивал изменения в положении Православной Церкви с падением советского режима и призывал свою паству стойко и смиренно переносить военные лишения, не слушать коммунистическую пропаганду, всяческих слухов¹⁸. В богослужениях появились политические интонации: во всех храмах экзархата и Литовской епархии были введены торжественные службы в годовщину «освобождения из-под большевистского ига», в дни рождения Адольфа Гитлера, в которые благочинные получили указания совершать молебны «о даровании Господом сил и крепости германской армии и ее Вождю для окончательной победы над большевизмом»¹⁹. Когда фронт совсем приблизился к границам Литвы, архиепископ Даниил (Юзьвюк) призвал русских юношей не уклоняться от выполнения распоряжений властей – крепить силы для отражения врага, с вторжением которого население окажется «в жестокой неволе, отнимающей нашу жизнь и имущество»²⁰.

После крупных поражений на Восточном фронте немцы попытались обеспечить себе лояльность русского населения, стали более активно привлекать его к сотрудничеству. По инициативе оккупационных властей весной 1943 г. на территории Литвы, Латвии и Эстонии начали работать Бюро поверенных по делам русского населения. Приказом Генерального комиссара А. фон Рентельна учрежденным 6 марта 1943 года в Каунасе Бюро поверенного по делам русского населения Литовской Генеральной области руководил Алексей Ставровский*. Бюро должны были контролировать настроения среди местных русских, направлять их настроения в нужное режиму русло, обеспечить призыв русской молодежи на полицейскую и военную службу. Церковные приходы стали одними из главных звеньев в деятельности Бюро и, тем самым, политики оккупационных властей среди русского населения.

На территории Литвы Бюро старалось изменить образ русских, как сторонников большевизма, защитить их от самочинных действий полиции и литовских самоуправлений. Создание Бюро по делам русского населения, безусловно, было одним из самых удачных административных и пропагандистских проектов оккупационных властей, включивших в политическую агитацию православных священников и староверческих наставников. В храмах распространялись различные административные распоряжения, призывы к молодым людям добровольно вступать в военные и полицейские формирования и пр. Наиболее активно Бюро действовало в последние месяцы войны на литовской территории, заботясь о пропитании и выделении жилья десяткам тысяч российским беженцев²¹.

Судьба митрополита Сергия

Как известно, в канун оккупации Риги экзарх Сергий преднамеренно не эвакуировался в глубь СССР. Немецкие власти вряд ли были слишком удивлены его решением предложить свои услуги в борьбе против пагубного для Церкви режима, так как ожидали, что духовенство будет самой оппозиционной к большевикам группой советского общества. Тем более, что это произошло в первые недели стремительного наступления германской армии, когда победитель казался так очевиден.

Непродолжительная деятельность экзарха-митрополита Сергия в оккупированной Прибалтике и обстоятельства его смерти уже несколько десятилетий вызывают вопросы исследователей. В российской историографии даже допускается предположение, что он мог быть специально оставлен НКВД в Риге, однако позднее потерял связь с советским подпольем²². Высокое положение молодого митрополита в Московской

Патриархии и впрямь заставляет думать, что он мог быть связан со структурами безопасности, которые манипулировали назначениями архиереев Русской Православной Церкви. Однако война началась неожиданно и таким поражением советских войск, что экзарх мог осмелиться воспользоваться возможностью, чтобы порвать навязанные ему связи с НКВД. Масштаб уничтожения религии и верующих в Советском Союзе для православного человека, тем более для архиерея, вполне мог стать отправной точкой для решения принять участие в исторических событиях – в изменении участи Церкви.

С быстрым приближением линии фронта, под влиянием нацистской пропаганды, под впечатлением от победного шествия немцев, которых местные жители встречали как освободителей от ненавистного режима большевиков, экзарх Сергий – священнослужитель самого высокого ранга Московской Патриархии по эту сторону линии фронта – разумеется, хотел обеспечить каноническое управление Церковью. Этим объясняются его просьбы к руководству Остланда в начале 1942 г. передать под его управление все европейские приходы²³. Однако германское руководство этой идеи не поддержало, более доверяя митрополиту Берлинскому Серафиму (Ляде), немцу по национальности, который управлял приходами РПЦЗ на территории III Рейха.

Власти Рейха оставили митрополита Сергия управляющим Прибалтийским экзархатом, подвластного Московской Патриархии, отклонив просьбы митрополитов Эстонии и Латвии восстановить в этих странах юрисдикцию Патриарха Константинопольского. Митрополит Сергий сумел убедить немецкие власти в том, что им не принесет пользы связь этих Церквей с западно-европейским экзархом Константинопольского Патриарха, который, к тому же, проживал в Великобритании и был тесно связан с пра-

вительством этой страны, а, самое главное, что именно он, митрополит Сергий, имеет моральное право призвать русский народ восстать против безбожного большевистского режима²⁴. Высокое положение экзарха-митрополита в иерархии Русской Православной Церкви, очевидно, побудило немцев включить эту фигуру в планы послевоенного администрирования России. Этим они достигли крайне важную цель: вовлекли православное духовенство региона в антисоветскую пропаганду.

Оставаясь в юрисдикции Московского Патриархата, митрополит Сергий оказался между двух огней. О двусмысленности ситуации свидетельствует хотя бы обязанность православных священников во время службы упоминать иерархию (т. е. Местоблюстителя Патриаршего престола митрополита Сергия (Страгородского), беспрекословно поддерживавшего борьбу Красной армии с оккупантами) и власть, т. н. нацистский режим.

Связи с руководством Церкви, которое было эвакуировано в Ульяновск, у митрополита Сергия (Воскресенского) не было. Он считал себя экзархом, юридически подвластным и канонически ответственным Местоблюстителю Патриаршего престола Русской Православной Церкви, действующим автономно, пока не будет возобновлена связь с Местоблюстителем или его наследником²⁵. В то же самое время Московская Патриархия осудила архиереев, сотрудничавших с немцами. Местоблюститель Патриаршего престола митрополит Сергий (Страгородский) в сентябре 1942 г. опубликовал в советской и зарубежной прессе архипастырское послание православным Литвы, Латвии и Эстонии, осуждающее деятельность их архиереев²⁶.

Немецкие власти, в свою очередь, требовали, чтобы экзарх Сергий отмежевался от Местоблюстителя Патриаршего престола, осудил поддержку последним большевистского режима. С их ведома периодически

созывались собрания священников и архиереев экзархата, оглашались резолюции, в которых просоветская позиция Московской Патриархии трактовалась как навязанная ей силой. После избрания в начале сентября 1943 г. митрополита Сергия (Страгородского) Патриархом немцы принуждали экзарха Сергия немедленно созвать в Риге конференцию духовенства, объявить эти выборы незаконными, принять резолюцию о преследовании Церкви в СССР и предать анафеме советское правительство²⁷. Однако экзарх не сомневался в каноничности выборов, и требуемая нацистами резолюция принята не была. Заявления митрополита, осуждающего политику советского руководства, немцы не дождалась и в марте–апреле 1944 г.²⁸ В историографии преобладает мнение, что это предредило судьбу Сергия. Экзархом заинтересовалось рижское гестапо, а 29 апреля 1944 г. на дороге Вильнюс–Каунас его автомобиль остановили мужчины, одетые в германскую форму, и расстреляли митрополита Сергия и его попутчиков.

Последние месяцы господства в Прибалтике не помешали германским властям организовать торжественные похороны митрополита-экзарха. Останки митрополита Сергия были перевезены в Ригу, где после панихиды в Христорождественском кафедральном соборе при участии высших должностных лиц Остланда, состоялись похороны Сергия на православном кладбище Покрова Пресвятой Богородицы.

Как уже отмечалось, это преступление историография (и советских времен, и новейшая) склонна приписывать гестапо. Чаще всего историки ссылаются на данные советского историка Зигмунда Балевица, которые он опубликовал еще в 1967 г. Его работа предназначалась для атеистической пропаганды – «разоблачала» сотрудничество Православной Церкви Латвии с нацистами, однако автор ссылался на документы

Латвийского Государственного Исторического архива, которые доказывали, что с осени 1943 г. германские власти усилили нажим на экзарха, требуя отойти от Московской Патриархии, и, следовательно, они его и убили²⁹. Казалось, неоспоримые доказательства этой версии убийства экзарха вызывают некоторые сомнения. В первую очередь, потому, что они опирались на показания арестованных лиц. Аргументы З. Балевица и современной российской историографии опираются на показания, данные подследственными органам НКГБ, игнорируя очевидную их тенденциозность. Окружение экзарха было жизненно заинтересовано сделать его жертвой нацистов. При этом совершенно серьезно принимается во внимание письмо журналиста, присланное в Нью-Йорк из советской Латвии, в котором утверждалось, что из обстрелянного автомобиля экзарха сумела спастись гимназистка, которая спряталась в канаве, а самое главное, – она не только опознала одного из нападающих, как сотрудника Каунасской Службы безопасности, но и запомнила номер их машины (она тоже принадлежала этой Службе)³⁰! Между тем, в действительности неподалеку было обнаружено тело застреленной случайной свидетельницы – восьмилетней Марии Дубосайте³¹.

В цепи доказательств З. Балевица главными являются показания высшего руководителя СС и полиции в Остланде и на Севере России Фридриха Еккельна, данные им Военному трибуналу Прибалтийского военного округа в Риге в 1945–1946 гг. Он свидетельствовал, что указание ликвидировать экзарха было дано Главным управлением полиции безопасности, его подписал Эрнст Кальтенбруннер, а убийство преднамеренно было приписано коммунистам и партизанам³². На другой вопрос прокурора, где еще осуществлялись подобные провокации, Ф. Еккельн ответил, что по приказу Гитлера была взорвана Киево-Печерская

лавра, чтобы в этом преступлении также можно было обвинить «советских патриотов»³³. Из новейшей историографии известно, что церковь Успения Пресвятой Богородицы, находящуюся в этой лавре, в ноябре 1941 г. взорвала специально оставленная в немецком тылу советская диверсионная команда (в этот день ее посетил руководитель Словацкого государства Йозеф Тиссо и рейхскомиссар Эрих Кох, успевшие уехать до взрыва)³⁴.

Факт убийства митрополита Сергия сразу же подхватила как германская, так и советская пропаганда. Одни объявили погибших жертвами НКВД, другие – гестапо³⁵. Кто же весной 1944 г. был заинтересован в убийстве митрополита? Начиная с 1941 г. часть немецких должностных лиц не скрывало своего недоверия Сергию, однако их удовлетворял политический результат взаимоотношений с экзархом – антисоветские заявления митрополита. Немцы не искали ему замены. Им нечем было заменить экзарха после его убийства и, тем самым, изменить политическую линию (если именно она, как утверждают историки, побудила немцев «убрать» экзарха). Его наследник, архиепископ Даниил (Юзьвюк) сразу же декларировал свою верность Московской Патриархии³⁶, и только через некоторое время ответственные лица в Берлине стали подыскивать другие кандидатуры. Не следует переоценивать и независимость поведения экзарха: с 23 июля 1942 г. имя Местоблюстителя Патриаршего престола упоминалось лишь в архиерейской Литургии³⁷. С 19 ноября 1943 г. имя Патриарха в богослужениях вообще не упоминалось под предлогом того, что недостаточно сведений, подтверждающих каноничность его избрания³⁸. Трудно поверить, что германские власти спланировали и совершили убийство, стремясь добиться пропагандистского эффекта. ведь вряд ли им было выгодно демонстрировать то, что на главной

магистральной Литвы – шоссе Вильнюс–Каунас хозяйничают красные партизаны.

Церковная политика немцев была довольно гибкой. Положение, сложившееся в Прибалтийском экзархате, было и в других оккупированных областях. Немцы заставляли руководителей Церквей Белоруссии и Украины выйти из подчинения Московской Патриархии, осудить ее помощь большевистскому режиму, создать автокефальные национальные Церкви. Там разогревались антирусские настроения – выдвигались требования перевести богослужения на национальные языки и пр. Всюду немцы находили архиереев, которые, как и экзарх Сергей, не колеблясь осуждали большевизм, одновременно декларируя свою верность Московской Патриархии. Немцам не удалось отколоть от нее Белорусскую Церковь, а на Украине во время войны даже была создана автономная Церковь, подчиненная этой Патриархии³⁹. Тем не менее независимая позиция архиереев Белоруссии и Украины не побудила нацистов к их физическим расправам.

Открытые архивы гестапо и до сих пор закрытые фонды архива КГБ в России в будущем непременно раскроют запутанную историю убийства экзарха Сергия. Возможно, что с приближением фронта его скомпрометировала в глазах немцев советская агентура или же он сам предпринял какие-то неосторожные, поспешные действия, предвидя, что скоро опять станет подданным Сталина. В результате поисков в архивах Бонна, Берлина и Мюнхена историк М. Шкаровский не нашел новых доказательств следования «германскому следу» и точка зрения о том, что это преступление совершило гестапо по-прежнему подтверждается источниками, уже известными в историографии⁴⁰.

В убийстве митрополита Сергия, без сомнения, мог быть заинтересован советский режим. Митрополит дискредитировал этот

режим, призывая людей не верить новой церковной политике Сталина. «На большевистских уступках построить церковную свободу невозможно»⁴¹, — уверял он. Его деятельность заставляла НКВД предпринимать контрмеры, поэтому логично предположить, что акция 29 апреля была инспирирована в Москве. В результате ее был ликвидирован не только влиятельный, высокого ранга коллаборационист, но и уничтожена целая группа «предателей родины». Погибли водитель автомобиля Петр Кулаков и солист оперы Иннокентий Редикюльцев с женой. В глазах НКВД все они были предателями и перебежчиками: Кулаков — офицер авиации, в начале войны перелетевший на сторону немцев; солист Московского Большого театра Редикюльцев, видимо, случайно очутился на занятой врагом территории, однако он выступал с концертами перед власовцами в Германии, Литве⁴².

Правда, для открытой пропаганды факт убийства экзарха не подходил, ведь он испортил бы в глазах немцев атмосферу доверия, воцарившуюся после встречи Сталина с руководителями Патриархии в сентябре 1943 г.* Весть о смерти экзарха Сергея Патриархия, видимо, могла встретить с облегчением, так как он был единственным из «своих», т. е. незарубежных, митрополитов, который компрометировал ее в глазах советских властей, поэтому возвращение его на прежнюю должность в Москве было исключено.

Если прямых доказательств версии, что митрополит Сергей был убит по приказу НКВД, до сих пор нет (правда, в историографии зафиксировано свидетельство рижского священника, отбывавшего наказание из-за своей деятельности в Псковской Миссии, который утверждал, что в лагере встретил бывшего партизана, принимавшего участие в операции по убийству экзарха, проведенной по заказу советской разведки⁴³), то косвенные доказательства, тем не менее, заслуживают внимания.

Немцы все же предприняли попытки расследовать обстоятельства убийства. Была создана специальная комиссия, криминальная полиция обследовала место происшествия,⁴⁴ была проведена экспертиза найденных на месте гильз⁴⁵. Во всех литовских, польских и русских газетах Литвы появились объявления с обещанием 10 тысяч рейхсмарок за ценную информацию о том убийстве и описания примет четырех мужчин, несколько дней тому назад угнавших автомобиль от одной из заправок станций Вильнюса⁴⁶. Руководитель полиции безопасности и СС в Литве немедленно подал главе немецкой жандармерии подробный отчет об итогах расследования этого преступления. В нем были показания свидетелей и данные о том, что преступники ехали на автомобиле с номерами полиции, а экспертиза гильз показала, что стреляли из советских и германских автоматов⁴⁷.

После убийства экзарха Сергея немцы разработали строгие инструкции по усилению безопасности на дорогах. По этим инструкциям передвигающиеся по дорогам должны были быть вооружены и готовы отразить нападение. Специалист по истории Второй мировой войны Р. Зизас заметил, что действовавшие на территории Литвы советские партизаны заинтересовались фактом убийства экзарха и сообщили в центр о своей непричастности к этому событию. В то же время руководитель оперативной группы НКВД Ионас Вильдженас, в обязанности которого входили сообщения о всех происшествиях, особенно в Вильнюсе и Каунасе, на убийство экзарха и поднятую немцами антисоветскую шумиху совсем не отреагировал. Москва также не запрашивала у него сведения по этому делу⁴⁸.

Документы полиции безопасности, в свою очередь, свидетельствуют, что она не располагала достоверной информацией о взглядах экзарха. В октябре 1943 г. из Пскова в Вильнюсский Св.-Духов монастырь

полиция безопасности направила своего информатора — известного священника — самозванца Ивана Амосова, и его прибытия дождалась до конца апреля 1944 г.⁴⁹ То, что митрополит пользовался доверием властей, косвенно доказывает тот факт, что в начале 1944 г. ему доверили назначение на приходы «советских» священнослужителей, прибывших в Литву с российскими беженцами⁵⁰.

НКВД/КГБ сразу же занялся манипуляцией фактов, создавая желаемый образ деятельности и гибели экзарха Сергея. В секретном отчете НКГБ Литовской ССР «О злодеяниях немецких оккупантов над католическим и православным духовенством и военнопленными на территории Литовской ССР» убийство экзарха фигурировало, как одно из главных преступлений оккупантов. Представленные в этом отчете факты не соответствовали действительности. В нем утверждалось, что немцы не стали расследовать убийство экзарха, что они не решились открыто хоронить популярного экзарха, который не выполнил их требования молиться в церквях «за победу немецкого оружия», не упоминать на богослужении имени Московского Патриарха, — говорил в проповеди о «непобедимом русском народе» и пр.⁵¹ Глава Епархиального совета протоиерей А. Голод, составивший в самом начале советского режима отчет о злодеяниях немецких оккупантов против Православной Церкви, написал о церквях, поврежденных в ходе военных действий, обличил митрополита Сергея (Воскресенского) в единовластии, но даже не упомянул факта его убийства⁵². Ответ на вопрос о виновниках этого убийства не вызывал сомнений у руководства Старообрядческой Церкви Литвы, представитель которой заявил на допросе следователю НКГБ, что экзарх был убит советскими партизанами⁵³.

О явной тенденциозности подхода НКВД/КГБ к вопросу о происходившем

Похороны митрополита Сергея 4 мая 1944 г.
Фотография из Особого архива Литвы

в Литве в 1941–1944 гг. свидетельствует селекция других фактов. В упомянутом отчете НКГБ ЛССР утверждалось, что за симпатию к советской власти нацисты в 1941 г. вместе с евреями расстреляли православного священника Виктораса Мажейку⁵⁴. Он, действительно, был расстрелян, однако как бывший священник и при совсем иных обстоятельствах. В 1940 г. В. Мажейка отрекся от сана и стал комиссаром. После оккупации территории Литвы нацистами он снова надел рясу, но в церкви не служил, а заведовал складом. Его с женой расстреляли скуодские стрелки, обнаружившие составленные и подписанные Мажейка списки «неблагонадежных лиц», репрессированных советским режимом⁵⁵. Достоверно можно сказать, что от рук оккупационных властей пострадали два священнослужителя Литовской епархии: в январе 1943 г. на принудительные работы в Правенишкский концлагерь был выслан настоятель Вильнюсского Пречистенского собора, благочинный Вильнюсского округа и член Епархиального совета И. Ярмолюк (спустя полгода он умер в лагере); в ноябре 1943 г. был арестован архимандрит Св.-Духова монастыря Сергей Вощенко, который до июля 1944 г. содержался в концлагерях Правенишкес и Шалтупяй⁵⁶. Неизвестно, за что

именно пострадали эти два священника, так как нацисты заключили их в лагерь без суда и следствия, а в советское время данные по этим священникам не были востребованы.

Выводы

Взгляд на позицию экзарха и обстоятельства его убийства в доступных документах НКВД/КГБ (включая упомянутое письмо из Латвийской ССР) наводит на мысль об откровенной тенденциозности их авторов. Деятельность Прибалтийского экзархата советским режимом была оценена однозначно негативно, следствием чего были аресты и осуждение всех, причастных к деятельности Псковской Миссии лиц, однако приписанное немцам убийство сохранило

Примечания

- 1 «Вероисповедания, получающие субсидии государства» (недатированный документ в фонде Министерства просвещения Литвы, ноябрь–декабрь 1939 г.), Центральный государственный архив Литвы (ЦГАЛ), ф. 391, оп. 4, л. 1847, л. 33. После включения в состав Литовской Генеральной области округов Ошмяны, Ейшишек и Свирь число русских жителей временно выросло до 95 тысяч.
- 2 З. Балевич, Православная церковь Латвии под сенью свастики (1941–1944), Рига: Зинатне, 1967; Д. Поспеловский, Русская православная церковь в XX веке, Москва: Республика, 1995; М. Шкаровский, Феномен Экзархата Московской Патриархии в Прибалтике, Нестор (Ежеквартальный журнал истории и культуры России и Восточной Европы, Санкт-Петербург–Кишинев), 2000, № 1, с. 373–402 – позже автор несколько раз упоминал эту работу в своих книгах и статьях, одна из последних: И. Соловьев, М. Шкаровский, Кто совершил злодеяние на пустынной дороге? К вопросу об убийстве митрополита Сергия (Воскресенского), Церковь и время, 2010, № 53, интерактивный ресурс: <http://www.mospat.ru/church-and-time/613> (см. 17.12.2013); О. Васильева, Русская Православная Церковь в политике

«лицо» экзарха Патриархии. Новая роль, которая отводилась в советском государстве Русской Православной Церкви и Московской Патриархии с сентября 1943 г., требовала соответствующих идеологических стандартов, в свете которых, видимо, и появилась интерпретация событий 29 апреля 1944 г.

В годы Второй мировой войны духовенство Литовской православной епархии было втянуто в нацистскую пропаганду, выполняло политический заказ. Подобную же роль нацисты отвели руководителям других христианских Церквей – Католической и Старообрядческой. Недавний опыт советской оккупации только усилил их антикоммунистический настрой, а нацистская политика поддержки Церквей побудила их поддержать сильнейшего.

советского государства в 1943–1948 гг., Москва: Российская Академия наук, Институт Российской истории, 2001; Л. Соколова, Влияние западничества на изучение истории Псковской Православной миссии (1941–1944), интерактивный ресурс: http://ruskline.ru/analitika/2011/03/22/vliyanie_zapadnichestva_na_izuchenie_istorii_pskovskoj_pravoslavnoj_missii_19411944/#_ftn40 (см. 17.12.2013).

- 3 В. Сидоренко, Русская Церковь под германским правлением во время Второй мировой войны, Православный собеседник (Казанская духовная семинария), 2002, № 2 (3), интерактивный ресурс: <http://kds.eparhia.ru/publishing/sobesednik/three/articlethree/> (см. 16.12.2013); И. Петров, Убийство экзарха Сергия (Воскресенского): факты и домыслы, Белое дело, 04.08.2013, интерактивный ресурс: <http://beloedelo.ru/researches/article/?145> (см. 17.12.2013).
- 4 R. Laukaitytė, Stačiatikių Bažnyčia Lietuvoje XX amžiuje [Православная Церковь в Литве в XX веке], Vilnius: Lietuvos istorijos institutas, 2003, с. 98–106; R. Laukaitytė, Lietuvos Bažnyčios vokiečių okupacijos metais (1941–1944) [Церкви Литвы в период немецкой оккупации (1941–1944)], Vilnius: Lietuvos istorijos institutas, 2010,

с. 211–221; R. Zizas, Sovietiniai partizanai Lietuvoje 1941–1944 m.: represiniai (teroristiniai) veiklos aspektai [Советские партизаны в Литве в 1941–1944 гг.: репрессивные (террористические) аспекты деятельности], Genocidas ir rezistencija, 2010, № 1 (27), с. 7–30.

- * По данным М. Шкаровского, только в 1937 г. в СССР было уничтожено около 70 епархий и викариатств, расстреляно около 60 архиереев, арестовано около 150 тысяч священников, 80 тысяч из них расстреляны; закрыто около 8 тысяч церквей (М. Шкаровский, Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве, Москва: Крутицкое подворье, 2000, с. 92–93).
- 5 Ukrainos Vyskupų gaštas Fühleriui [Письмо Епископов Украины Фюреру], Naujoji Lietuva, 1941, № 66, с. 1; Ukrainiečių tauta amžinai bus dėkinga Fiureriui už išlaisvinimą. Archimandrito Polikarpo pareiškimas [Народ Украины вечно будет благодарным Фюреру за освобождение. Заявление архимандрита Поликарпа], там же, 1942.03.06, № 55, с. 4; Arkivyskupas Filofejus kviečia gudus į darbą [Архиепископ Филофей призывает белоруссов на работу], там же, 1942, № 284, с. 1; Pergalė – bet kokia kaina! [Победа – любой ценой!], там же, 1943.03.16, с. 1; Bolševizmas – religijos priešas [Большевизм – враг религии], Ateitis, 1943 09 23, № 221, с. 2; Lietuvos metropolitas dėl bažnyčios padėties Sovietų Sąjungoje [Литовский митрополит о положении церкви в Советском Союзе], там же, 1943.09.27, № 224, с. 4; Demaskuotas Stalino suktas manevras su „patriarchu“ Sergijum [Разоблачен хитрый маневр с «патриархом» Сергием], там же, 1943.10.30, № 253, с. 1; Metropolitas Aleksandras prieš Sovietų Sąjungos „išvadavimo“ planus [Митрополит Александр против «освобождения» Советским Союзом], там же, 1943.11.27, № 276, с. 6 и др.
- 6 Правда о религии в России, Москва, 1942; Die Kirchenpolitik des Bolschewismus, Berlin, 1942.
- 7 Архипастырское послание Архиепископа Даниила (1944.05.26, Рига), Вестник Бюро поверенного по делам русского населения Литовской генеральной области (Вестник Бюро...), 1944.06.15, с. 2. Процедура преемственности власти была намечена на проходившем 29–30 августа 1943 г. собрании епископов экзархата. В итоге в завещании митрополита Сергия, составленном 29 октября 1943 г., первым был записан епископ Даниил. Епископ Даниил – Николай Юзвюк (1882–1966) в 1905 г. окончил Вильнюсскую Духовную семинарию, до 1913 г. в ней преподавал. Позже работал земским чиновником, в 1924–1940 гг. – в библиотеке Вильнюсской семинарии. В 1940 г.

- был еще мирянином (избран в Совет Вильнюсского благочиния). В архиепископ посвящен в 1942 г. После гибели митрополита Сергия стал архиепископом, временным экзархом Прибалтики. Летом 1944 г. выехал на Запад, очутился в Чехословакии, однако в декабре 1945 г. вернулся в СССР. В «Журнал Московской Патриархии» написал о своей лояльности советской власти (см.: Первые впечатления о Родине, ЖМП, 1946, № 9, с. 63–64) и на время сохранил свободу. В 1946–1950 гг. управлял Полесской епархией, в 1950–1954 гг. находился в заключении, позднее до самой кончины проживал в Одесской епархии.
- 8 Копия письма митрополита Сергия Каунасскому генеральному комиссару «Заявка касательно Литовской Православной Епархии» от 11 сентября 1942 г., Отдел рукописей Национальной библиотеки Литвы (НБЛ), ф. 192, л. 43, л. 7. Членами Совета в июне были назначены протоиерей, служившие в церквях Вильнюса: Лука Голод («товарищ председателя» – митрополита), Иосиф Дзичковский, Нил Кульчицкий, Игнатий Ярмолюк (до ареста в январе 1943 г.).
- 9 Циркуляр Каунасского благочинного Михаила Павловича от 3 июня 1942 г., там же, л. 56.
- * «Православная миссия в освобожденных областях России» начала работу в августе 1941 г., ее центр располагался в Пскове. В оккупированных немцами Псковской, Новгородской, Ленинградской областях начали действовать сотни церквей, издавались религиозные бюллетени, в школах возобновилось преподавание закона Божиего, организовывались курсы катехизации для взрослых, из Пскова транслировались религиозные радиопередачи. В марте 1944 г., с отступлением немцев на Запад, миссия эвакуировалась в Шяуляй, где некоторое время занималась духовным окормлением российских беженцев.
- 10 Письмо Каунасского благочинного настоятелю Меркине от 5 декабря 1942 г., НБЛ, ф. 192, л. 43, л. 12.
- 11 Литовская Православная Епархия, Вестник Бюро..., 1943, апрель, с. 3; К. П. Обозный, Богословские курсы в Вильно в 1942–1944 годах, Вестник церковной истории, 2008, № 1(9), с. 169–178.
- * Последние пастырские курсы действовали в Каунасе в 1931–1933 гг. и подготовили всего 7 будущих иереев.
- 12 Циркуляры Каунасского благочинного от 30 мая, 3 июня 1942 г., НБЛ, ф. 192, л. 43, л. 60, 57.
- 13 Циркуляр генерального комиссара Литвы комиссарам городов и округов Вильнюса и Каунаса, округов Шяуляй и Паневежис от 5 ноября 1941 г., ЦГАЛ, ф. 614, оп. 1, д. 209, л. 133.

- 14 Циркуляр Каунасского благочинного М. Павловича от 23 апреля 1942 г., НБА, ф. 192, л. 43, л. 74.
- 15 Циркуляр Каунасского благочинного от 30 марта 1942 г., там же, л. 81.
- 16 R. Laukaitytė, Lietuvos Bažnyčios vokiečių okupacijos metais (1941–1944), с. 214.
- 17 Срочный циркуляр председателя Епархиального совета протоиерея Евстафия Калисского от 5 марта 1942 г., НБА, ф. 192, л. 43, л. 89; Dievo vardu, Naujoji Lietuva, 1942.03.26, № 72, с. 4. «Мы обязаны активно помогать немецкой администрации, и потому я прошу вас всех всеми силами присоединиться к настоящему сбору металлов. Никогда не забывайте, что каждая маленькая дань ведет к освобождению наших братьев, русского народа», – писал в обращении митрополит.
- 18 Dievo vardu, Naujoji Lietuva, 1942.03.26, № 72, с. 4; Пастырское письмо, апрель 1942 г., НБА, ф. 192, л. 29, л. 65.
- 19 Циркуляр Каунасского благочинного от 15 июня 1942 г., НБА, ф. 192, л. 43, л. 51; Молебствия в день рождения Гитлера, Вестник Бюро..., 1944.05.15, с. 4.
- 20 Обращение к православному населению Литвы, Вестник Бюро..., 1944.06.15, с. 1.
- * Алексей Ставровский (1905–1972) был связан с церковными кругами Литовской епархии. Примерно в 1931 г. он приехал в Каунас из Парижа, где оказался нежелательным после богословского спора по поводу работ философа Сергея Булгакова. Он стал псаломщиком Каунасского собора и работал переводчиком (данные историографии о том, что он являлся членом Епархиального совета, секретарем митрополита Елевферия, входил в редакцию епархиальной газеты не соответствуют действительности). С началом немецкой оккупации работал переводчиком в Каунасском отделе гестапо, был назначен поверенным Бюро по делам русских в Генеральной области Литвы. В начале советской оккупации был включен в список разыскиваемых лиц, летом 1944 г. с женой выехал в Германию. Позже проживал в Аргентине, принял католичество восточного обряда. С 1961 г. жил в Мадриде, занимаясь издательством книг, писал богословские труды (Обзорная справка от 29 января 1962 г., Особый архив Литвы (ОАЛ), ф. К 1, оп. 58, л. 43312/3, л. 232–233 и пр.).
- 21 R. Laukaitytė, Rusai Lietuvoje vokiečių okupacijos metais (1941–1944) [Русские в Литве в годы немецкой оккупации (1941–1944)], Lietuvos istorijos metraštis. 2010 metai, 1, Vilnius, 2011, с. 57–69.
- 22 М. Шкаровский, Феномен Экзархата Московской Патриархии в Прибалтике, Нестор, 2000, № 1, с. 374–375; О. Васильева, Русская Православная Церковь в политике советского государства в 1943–1948 гг., с. 86.
- 23 М. Шкаровский, Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве, с. 162.
- 24 Д. Поспеловский, Русская православная церковь в XX веке, с. 206.
- 25 Письмо митрополита Сергия Каунасскому генерал-комиссару от 11 09 1942 г., НБА, ф. 192, л. 43, л. 7.
- 26 М. Одинцов, Религиозные организации в СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., Москва, 1995, с. 61–66. По данным М. Шкаровского, это осуждение инспирировал НКВД, размноживший принятые Патриархией документы и распространивший их в Прибалтике (М. Шкаровский, Феномен Экзархата Московской Патриархии в Прибалтике, Нестор, 2000, № 1, с. 388).
- 27 З. Балевиц, Православная церковь Латвии под сенью свастики (1941–1944). Рига, 1967, с. 78.
- 28 Там же, с. 81.
- 29 З. Балевиц, Православная церковь Латвии под сенью свастики (1941–1944), с. 76–87.
- 30 М. Шкаровский, Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве, с. 165; Д. Поспеловский, Русская православная церковь в XX веке, с. 209.
- 31 R. Zizas, Sovietiniai partizanai Lietuvoje 1941–1944 m.: represiniai (teroristiniai) veiklos aspektai, Genocidas ir rezistencija, 2010, № 1 (27), с. 23.
- 32 Судебный процесс по делу о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков на территории Литовской, Литовской и Эстонской ССР, Рига, 1946, с. 62.
- 33 Там же.
- 34 М. Шкаровский, Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве, с. 146–147.
- 35 См.: Письмо секретаря пропаганды ЦК КПЛ (б) Казиса Прейкшаса заместителю председателя правления пропаганды и агитации ЦК ВКП (б) Федосееву от 12 мая 1944 г., ОАЛ, ф. 1771, оп. 7, л. 269, л. 5. В нем предлагается в радиопередачах на Литву и в литовской печати распространить заметку о том, что «митрополита Сергия убили агенты гестапо в провокационных целях», стремясь «запугать «красным террором» католическое духовенство и удержать патриотическую часть католиков от активной борьбы против оккупантов». Германское МИД, в свою очередь, 11 мая разослало представителям за рубежом пасхальное пастырское послание митрополита Сергия, с просьбой как можно шире его распространить. Это должно было показать митрополита как первую жертву «богобоязненного Сталина» (М. Шкаровский, Феномен Экзархата Московской Патриархии в Прибалтике, Нестор, 2000, № 1, с. 396).
- 36 Архипастырское послание Архиепископа Даниила [1944 05 26, Рига], Вестник Бюро..., 1944 06 15, с. 2.
- 37 М. Шкаровский, Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве, с. 160.
- 38 З. Балевиц, Православная церковь Латвии под сенью свастики (1941–1944), с. 79–80.
- 39 В. Сидоренко, Русская Церковь под германским правлением во время Второй мировой войны, Православный собеседник, 2002, № 2 (3), интерактивный ресурс: <http://kds.eparhia.ru/publishing/sobesednik/three/articlethree/continue/> (см. 16.12.2013).
- 40 М. Шкаровский, Феномен Экзархата Московской Патриархии в Прибалтике, Нестор, 2000, № 1, с. 395.
- 41 Митрополит Сергей о «свободе церкви» в Советском Союзе, Вестник Бюро..., 1943.10.10.
- 42 Жертвы НКВД, Вестник Бюро..., 1944.05.15, с. 3 и пр. Редикюльцевы похоронены в Каунасе, П. Кулаков в Риге.
- * Эта встреча начала новую эру взаимоотношений Патриархии и советского государства – последовало восстановление церковной структуры, однако и вовлечение Русской Православной Церкви в сферу советской зарубежной политики и пропаганды.
- 43 Д. Поспеловский, Русская православная церковь в XX веке, с. 210.
- 44 R. Zizas, Sovietiniai partizanai Lietuvoje 1941–1944 m.: represiniai (teroristiniai) veiklos aspektai, Genocidas ir rezistencija, 2010, № 1 (27), с. 22.
- 45 Микрофотограммы патронов, ЦГАЛ, ф. R 1399, оп. 1, л. 108, л. 1, 2.
- 46 См.: Naujoji Lietuva, 1944, № 104, с. 2; Ateitis, 1944, № 103, с. 1; Goniec Codzienny, 1944, № 852, с. 1 и пр.
- 47 R. Zizas, Sovietiniai partizanai Lietuvoje 1941–1944 m.: represiniai (teroristiniai) veiklos aspektai, Genocidas ir rezistencija, 2010, № 1 (27), с. 23.
- 48 Там же.
- 49 Тайная переписка между руководителями полиции безопасности и СД Остланда и Литвы, офицерами полиции безопасности и СД Пскова и Вильноса от 15 октября, 6 ноября 1943 г., 8, 26 апреля 1944 г., ЦГАЛ, ф. R 1399, оп. 1, л. 24, л. 114, 1, 112–113. Немцам было известно, что И. Амосов являлся лжесвященником, однако они охотно пользовались его услугами; см.: Б. Ковалев, Нацистская оккупация и коллаборационизм в России 1941–1944, Москва, 2004, с. 448 и пр.
- 50 R. Zizas, Sovietiniai partizanai Lietuvoje 1941–1944 m.: represiniai (teroristiniai) veiklos aspektai, Genocidas ir rezistencija, 2010, № 1 (27), с. 23.
- 51 Совершенно секретное письмо народного комиссара НКГБ Лит. ССР Александра Гузевичюса начальнику 2 отдела НКГБ СССР Федотову «О злодеяниях немецких оккупантов над католическим и православным духовенством и военнопленными на территории Литовской ССР», сентябрь 1944 г. (день не указан, далее – Совершенно секретное письмо «О злодеяниях немецких оккупантов...»), ОАЛ, ф. К 1, оп. 3, л. 150, л. 170–175.
- 52 Письмо протоиерея А. Голода «В Чрезвычайную Комиссию по исследованию немецких злодеяний», 6 сентября 1944 г., Отдел рукописей Библиотеки Академии наук Литвы, ф. 159, л. 8, л. 1–4.
- 53 Допрос следователем НКГБ бывшего секретаря Высшего совета Старообрядческой Церкви Литвы Ивана Романова от 26 января 1950 г., ОАЛ, ф. К 1, оп. 58, л. Р 13864, л. 56.
- 54 Совершенно секретное письмо «О злодеяниях немецких оккупантов...», ОАЛ, ф. К 1, оп. 3, л. 150, л. 175.
- 55 Жизненный путь русского священника. Из воспоминаний архимандрита о. Алексея (Черной), Сан Франциско, 1981, с. 143.
- 56 Совершенно секретное письмо «О злодеяниях немецких оккупантов...», ОАЛ, ф. К 1, оп. 3, л. 150, л. 175.